

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Научная статья
УДК 323(4/9)
DOI: 10.46724/NOOS.2022.2.75-89

Б. М. Кондорский

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ И УКРАИНЕ С ПОЗИЦИЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье на основе сравнительного метода и основных положений революционной концепции исторического развития представлена попытка компаративного анализа современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с целью более глубокого понимания нынешнего положения в этих странах и перспектив дальнейшего их развития. Показано, что крайне низкий уровень феодальной революции в обоих регионах определил несомненное сходство «европейской» Украины и азиатско-кочевого Казахстана в сфере состояния и структуры элиты, специфики политической системы, внешней и внутренней политики, «развития» индустрии, характера идентичности, исторической памяти и даже религии. Сделан вывод о том, что специфика исторического процесса оказывает более чем значительное влияние на социально-политическую современность.

Ключевые слова: Казахстан, Украина, политическая элита, многовекторность, клан, этническое сознание, идентичность, историческая память

Ссылка для цитирования: Кондорский Б. М. Сравнительный анализ современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с позиций революционной концепции исторического развития // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 75—89.

Original article

B. M. Kondorsky

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CURRENT SOCIO-POLITICAL SITUATION IN KAZAKHSTAN AND UKRAINE FROM THE STANDPOINT OF A REVOLUTIONARY CONCEPT OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Abstract. Based on the comparative method and the main provisions of the revolutionary concept of historical development, the article presents an attempt at a comparative analysis of the current socio-political situation in Kazakhstan and Ukraine in order to better understand the current situation in these countries and the prospects for their further development. It is

© Кондорский Б. М., 2022

Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 75—89 •

shown that the extremely low level of the feudal revolution in both regions determined the undoubted similarity of "European" Ukraine and Asian-nomadic Kazakhstan in the sphere of the state and structure of the elite, the specifics of the political system, foreign and domestic policy, the "development" of the industry, the nature of identity, historical memory and even religions. It is concluded that the specifics of the historical process has a more than significant impact on the socio-political modernity.

Keywords: Kazakhstan, Ukraine, political elite, multi-vector nature, clan, ethnic mentality, identity, historical memory

Citation Link: Kondorsky, B. M. (2022) *Sravnitel'nyy analiz sovremennoy sotsial'no-politicheskoy situatsii v Kazakhstane i Ukraine s pozitsiy revolyutsionnoy kontseptsii istoricheskogo razvitiya* [Comparative analysis of the current socio-political situation in Kazakhstan and Ukraine from the standpoint of the revolutionary concept of historical development], *Noosfermyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 75—89.

Январские погромы на юге и западе Казахстана явились полной неожиданностью для большинства политических деятелей и политологов как внутри страны, так и за ее пределами. До этого транслировалась пасторальная картина спокойствия и «тишины» внутри казахского общества, этакого «островка» стабильности, особенно, в отличие от соседней Киргизии. Еще в 2018 году автор предположил, что после ухода Н. Назарбаева с политической арены начнут взрываться «мины», которые за тридцать лет он заложил в достаточном количестве [Кондорский, 2018: 96]. Что касается Украины, то последствия последнего «майдана», в конечном итоге, приняли катастрофический характер.

Анализ показывает, что между такими государствами, как азиатский Казахстан и «европейская» Украина, имевшими совершенно различные типы исторического развития и социального менталитета, при внимательном анализе обнаруживается очень много сходства и параллелей в современный период. Мы считаем, что для этого нужно использовать определенные теоретические конструкции и сравнительный метод, который, к сожалению, слабо используется в политологических и особенно исторических исследованиях. Для того чтобы дать объективную оценку того или иного события, нужно хорошо знать и понимать объективные законы истории.

Здесь весьма полезной будет разрабатываемая автором революционная концепция исторического развития [Кондорский, 2020]. Основная идея заключается в том, что в основе каждого этапа исторического развития лежит определенный тип революций; неолитических, архаических, феодальных, революций Нового времени. Именно они формировали потенциал дальнейшего развития, который зависит от «глубины» революции и степени преемственности с прошлым этапом развития.

Наибольшей глубиной и наименьшей преемственностью с предыдущим периодом отличалась феодальная революция в Западной Европе на рубеже I тыс., что предопределило здесь наиболее прогрессивный характер развития. Любая революция сопровождается радикальной сменой социального сознания, поэтому ее основой является устранение носителей старого сознания. В Северо-Восточной Руси, где феодальная революция началась только во второй половине XIII века, таковыми были городские общины, которые подвергались в этот

период регулярным репрессиям с помощью татар, со стороны Александра Невского и его сына [Оловинцов, 2018: 197].

Установление Литвой контроля над территориями Малой и Белой Руси в XIV веке обусловило здесь крайне низкий уровень феодальной революции [Кондорский, 2021: 57—58]. Вследствие этого восточнославянские земли долгое время находились на «общинной» стадии развития. С этим была связана масса архаических пережитков, доживших до XVI века с учетом наследия, полученного этими землями от времен Киевской Руси [Дворниченко, 1995: 298—302].

У кочевников практически отсутствовали феодальные революции в прямом смысле этого слова. Все кочевые государства носили не политический, а потестарный характер и управлялись на основе архаических институтов редиистрибуции и реципрокации. Это касается даже Монгольской империи [Васютин, 2005: 62].

Современные Казахстан, Киргизия и Туркмения являются прямыми наследниками кочевых сообществ. Наличие отдельных «феодализмов» в свое время носило внешний характер. Архаическое сознание никуда не делось и влияло на принятие решений руководителей центрально-азиатских республик даже при советской власти, не говоря уже о периоде независимости.

В свое время автор показал, что для Украины, особенно во время обоих Майданов, было характерно проявление рецидивов таких архаических институтов как реципрокация, редиистрибуция, потлач, мужской союз [Кондорский, 2019b: 115—117]. В Казахстане, так же как и в других республиках Центральной Азии, произошло возрождение «кланового сознания», начиная с низов и заканчивая руководством государства [Кондорский, 2019c: 69—70].

В Казахстане в период независимости клан, клановые отношения, клановая структура выступают как неформальный институт рекрутирования элит. Для носителей кланового сознания главное не личное «Я», а опора на себе подобных и их мнение. Поэтому, приходя во властные структуры, выходцы из сельской местности окружают себя земляками и родственниками [Борисова, 2002: 32].

Ситуация, когда человек становится начальником не в соответствии со своими профессиональными качествами и способностями, а благодаря родственным и кланово-племенным связям, способствовала появлению у элиты глубокого комплекса неполноценности. На Украине еще в конце XVI — начале XVII века у новоявленной казацкой старшины, пришедшей на смену традиционной элите времен Киевской Руси, вследствие ее опоячивания сформировался архетип социального сознания, характеризующийся подобного рода менталитетом, который в полной мере сохранился до наших дней.

В Казахстане подобного рода «ущербность» еще в первой половине 1990-х годов проявила себя в том, что право пользования недрами республики было отдано на очень льготных условиях американским и западноевропейским компаниям. По условиям этих соглашений по разделу продукции основная прибыль с добычи уходила мимо республиканской казны [Черных, 2022]. В настоящее время Казахстан прочно сидит на нефтегазовой игле. 85 % бюджета составляют доходы от экспорта сырья [Хайруллин, 2022]. За 12 лет (2009—2020) из Казахстана выведено доходов иностранными компаниями на сумму 206 млрд долларов [Касатонов, 2022].

На Украине не оказалось сырьевых ресурсов, которыми могли заинтересоваться западные компании. Попытки привлечь зарубежный капитал для

приватизации существующих крупных промышленных предприятий в 1990-е годы практически не дали никаких результатов. Передача их в руки доморощенных олигархов отнюдь не способствовала их развитию и кардинальной модернизации. Продукция работающих предприятий не отличается заметным уровнем добавленной стоимости.

За последние 30 лет в Казахстане не построено ни одного крупного нефте- или газоперерабатывающего завода [Двинский, 2022]. На Украине за годы независимости вообще не построено ни одного крупного предприятия ни на внешние, ни на внутренние инвестиции. Если в России ведущие мировые автопроизводители построили более десяти крупных предприятий, то на Украине выпуск автомобилей всех видов в последние годы не превышает 3 тыс. Доля Украины в мировом промышленном производстве за первые 15 лет уменьшилась в 50 раз [Ставицкий, 2022].

Если в Казахстане доминирует на всех управленческих уровнях клановый менталитет, отнюдь не способствующий развитию современной индустрии, то на Украине все большую роль начинает играть галицийский тип социального сознания в управленческой элите. Еще во времена Австро-Венгрии в Галиции отсутствовала какая-либо заметная промышленная инфраструктура [Реєнт, 2016: 304]. В 1970—80-е годы в Западной Украине был построен ряд заводов электронной промышленности, имевших по тем временам самое современное оборудование, закупленное на Западе. После обретения независимости эти заводы за несколько лет были раскурочены «до последнего винтика».

Неолиберальная модель модернизации в Казахстане способствует укреплению промышленно-финансовой верхушки, ослаблению позиций малого и среднего бизнеса, обострению социальных противоречий, обнищанию и маргинализации широких слоев населения, росту безработицы [Карсаков, Чеботарев, 2009: 24]. Западные компании меньше всего интересуют социальные нужды рабочих. Перед новым 2022 годом компания «Тенгизшевройл» уволила 40 тыс. работников [Панов, 2022]. Зарплата в нефтегазовой отрасли в 3—5 раз меньше, чем в России [Тайные пружины казахского протеста, 2022]. Подобного рода ситуация характерна и для Украины.

Все вопиющие, можно сказать, катастрофические проблемы в производственной сфере (и не только) украинская политическая элита пытается оправдать советским прошлым: «все проблемы на Украине связаны с советским наследием» [Залізняк, 1997: 9]; «Украине необходимо освободиться от советского балласта» [Жапелюшний, 2003: 501]; «старые партийно-хозяйственные кадры проявили свою злодейскую натуру» [Залізняк, 2006: 18]; «уже более четверти века Украина пытается справиться с разрушительными последствиями масштабного зла, заданного коммунизацией Страны [Калакура, Рафальский, Юрій, 2017: 538]. Не забывают и о современной России — «экономика задыхается от энергетической удавки, которую Россия накинута на ее горло» [Фігурний, 2010: 35].

Для более глубокого понимания характера поведения политической и культурной элит в Казахстане и на Украине следует обратиться к концепции этнического сознания. Оно формируется в детстве (приблизительно до 10 лет). В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит данный характер, его нельзя изменить волевым способом. Можно только говорить о его активизации. Характерной особенностью этнического сознания является то, что

социальная действительность категоризируется с помощью базовой пары «мы — они» [Ачкасов, 1999: 49].

Традиционное этническое сознание обычно сохраняется и воспроизводится в сельской местности. На Украине в 1960—70-е годы наблюдался массовый приток населения в Киев и другие крупные города (за исключением Донбасса) из села [Кондорский, 2018: 97]. Это относится к более 80 % политической и культурной элит страны (включая четырех президентов). Еще в советский период значительная часть украинской номенклатуры набиралась из вчерашних колхозников [Малинкович, 2005: 29].

При этом, сколько бы «университетов» ни заканчивали подобного рода политические деятели, в плане своего базового сознания они остаются «хлопцы з глухого села». Ющенко все пять лет своего президентского срока с упорством, достойным иного применения, пытался сделать из Украины «Большой хутор» [Кондорский, 2018: 98].

В Казахстане после получения независимости из властных структур началось «вымывание» городской русскоязычной интеллигенции. Так как основным требованием является знание казахского языка, органы государственной власти стали заполняться выходцами из сельской местности [Борисова, 2002: 32]. Следует отметить, что этот процесс был характерен и для брежневского периода, когда партийно-государственная элита рекрутировалась из сельских маргиналов [Кондорский, 2019b]. Деловые качества и уровень профессиональной компетентности при этом практически не учитывались.

Н. Назарбаев сам выходец из трайбалистской аульной среды [Амрекулов, 2000]. Несмотря на то что в начале 1990-х годов он пытался бороться с политической идеологией традиционного типа, основанной на оживлении архаических форм общественного устройства, этническое (кланово-племенное) сознание никуда не делось и сопровождало его на протяжении всего пребывания на президентском посту. В конечном итоге Назарбаев стал раздавать ключевые должности ближайшим родичам из своего родного села. При этом, будучи бесспорным лидером Старшего жуза, он не терпел рядом с собой сильных личностей [Масанов, 1996: 50]. Значительную роль в окружении Назарбаева играли представители его родного племени — шапаранты [Агаев, 2013: 3].

В Казахстане и Кыргызстане на уровне руководства страны клановость стала приобретать уродливую форму семейственности [Агаев, 2012: 127]. Все это порождало и порождает коррупцию и дисбаланс в структуре элиты. Речь идет об активном участии двух дочерей Назарбаева — Дариги и Динары вместе со своими мужьями в руководстве двух крупнейших национальных финансово-промышленных конгломератов. При этом эти два объединения конкурировали между собой [Хайруллин, 2022].

Конечно, на Украине «семейственность» не приняла таких размахов. Однако зять Л. Кучмы — В. Пинчук — стал олигархом не только благодаря своим способностям. Клановость здесь приняла региональный характер. Уместно вспомнить о днепропетровском клане в руководстве СССР при Л. Брежневе, который воспроизвелся в 1990-е годы уже благодаря тогдашнему президенту.

Можно говорить о кланизации политических партий. Я считаю, что первичной причиной поражения режима В. Януковича во время второго «майдана» стало наличие клановых группировок внутри партии Регионов. Процесс

клизации новоявленной партии «Слуга народа» произошел в течение года после ее появления на политической арене.

Следует обратить внимание, что под видом политических партий в обеих странах функционируют патронатно-клиентальные образования [Долженков, 2000: 2]. В данном случае речь идет о неопатримониальных структурах, характеризующихся симбиозом, синтезом элементов традиционализма и современного государства [Eisenstadt, 1973]. Особенно это касается Казахстана и других государств Центральной Азии. Политический режим, который сформировался на Украине в 1990-е годы, имеет признаки патримониально-авторитарного режима при господстве клановой олигархии [Мацієвський, 2005: 17].

Так называемая многовекторность, о которой Л. Кучма многократно заявлял в период своего президентства, в конечном итоге закончилась двумя «майдами», полным разрушением экономики и приходом к власти русофобских режимов сначала при Порошенко, а затем при Зеленском. Следует отметить, что украинская «многовекторность» имеет глубокие исторические корни. Во время известных событий середины — второй половины XVII века казацкая старшина постоянно искала покровительство со стороны своих соседей (и не только) — Речи Посполитой, России, Османской империи, Швеции и даже Трансильвании, часто находясь под одновременным протекторатом нескольких государств [Кондорский, 2021: 65—67]. Украинские историки называют это поливассалитетом. Я же называю это проституированностью.

Казахстан в плане многовекторности недалеко ушел от Украины. Руководители Казахстана широко улыбаются Кремлю и Пекину, руки пожимали Брюсселю и кланялись Вашингтону [Панов, 2022]. В последние годы своего президентства Н. Назарбаев слишком уж сблизился с Турцией. Главная опасность заключается в том, что Турция проводит в основном работу с сельским населением [Двинский, 2022], которое во время январских событий активно занималось погромами.

Особую опасность для государства представляет раскол национальной элиты, который следует рассматривать в качестве исходной причины январских событий в Казахстане. Большинство политических партий не являются выразителями интересов определенных групп граждан, представляя интересы влиятельных лиц и бизнес-групп [Карсаков, Чеботарев, 2009: 19].

Аналогичная картина наблюдается и на Украине. Украинская элита отличалась низким уровнем компетентности исторически. И во время освободительной борьбы в середине XVII века, и в период существования Украинской Народной Республики и Директории, и в настоящее время. Сюда следует добавить корпоративность, эгоизм, оторванность от нужд и интересов простого народа.

За годы независимости на Украине так и не сформировалась эффективная политическая элита [Мацієвський, 2010: 40]. Весь период независимости президенты играют роль посредника между конкурирующими олигархическими группировками. Все тридцать лет независимости в обоих государствах идет мучительный поиск своей идентичности. После второго «майдана» украинское руководство полностью перешло на отрицание советского прошлого, откровенную русофобию, поощрение различного рода националистических организаций. Следует отметить, что данный процесс начался еще с 1990-х годов. В настоящее время на Украине формируется нация этнического типа на базе этнического, а не личностного сознания, путем формирования образа внешнего и внутреннего

врага. Этническая модель украинской нации предполагает один язык, одну историю, одну церковь. Основная ставка делается на язык и культуру сельских предков [Рябчук, 2000: 283]. Рецидивы радикального национализма на Украине — это не что иное, как подсознательная тоска по патриархальной культуре и ее «племенным» ценностям [Даренский, 2016: 45].

Главная цель — полное разрушение постсоветской общности на Украине, использование этнонационализма для очистки от инородных элементов: «Украина для украинцев, Украина как анти-Россия» [Космачев, 2015: 39]; «главный враг Украины — это русский мир» [Калакура, Рафальский, Юрій, 2017: 538]. Как не вспомнить здесь слова академика П. Толочко: «Лучшее будущее нельзя построить на конфронтации с Россией. Это безнадежно тупиковый путь» [Толочко, 2008: 6].

Одновременно доминирует лозунг «Запад нам поможет». Украина — это Европа. Только проевропейский вариант национальной идентичности может быть условием успешной модернизации. Украина всегда жила одними идеями с Западом [Рябчук, 2000: 279]. Следует отметить, что Запад в течение многих лет проводил целенаправленную кампанию по формированию прозападной элиты среди экспертов и журналистов, результат которой мы наблюдаем в настоящее время.

Руководство Казахстана весь период независимости заигрывало с русофобскими организациями и движениями. Еще в 1990-е годы началась политика мягкой дерусификации и вытеснения русских и русскоязычных граждан с руководящих постов, создания им препятствий в получении хорошей работы и зарплаты, закрытии русскоязычных учебных заведений, перевод всей топонимики на казахский язык, замена алфавита с кириллицы на латиницу. Все это привело к массовой эмиграции русского населения Казахстана [Двинский, 2022b].

Власти негласно покровительствуют различного рода блогерам в их радикальной националистической пропаганде. В Интернете регулярно предъявляются территориальные претензии к России и другим соседним государствам. Звучат даже предложения по созданию националистического Интернационала, объединяющего, в том числе, националистов из кавказских республик и тюркоязычных регионов Российской Федерации [Прохватиллов, 2022].

В Казахстане по ряду аспектов просматривается поразительное сходство с Украиной. Казахстан заражен «украинством». Помимо русофобии, это, в частности, проявляется в раздувании трагедии голода 1930-х годов. Январский бунт в Казахстане изобилует именно украинскими «революционными» технологиями, успешно апробированными во время переворота 2014 года [Уваров, 2022]. Назначение на пост министра информации откровенного русофоба А. Умарова [Примаков отказался работать..., 2022] следует рассматривать как своеобразный вызов России.

Так же, как и на Украине, дерусификация стала продолжением декоммунизации. Продвигается идея о том, что Казахстан получил независимость в результате борьбы с захватчиками, которыми считаются русские, любые русские как до, так и после революции 1917 года. Предпринимаются попытки реабилитации предателей-коллорабационистов. Казахстанский парламентарий Б. Абдыалигулы защищает гитлеровских приспешников на том основании, что «...они убивали красных, этого достаточно, чтобы их оправдать» [Прохватиллов, 2022]. Дошло до того, что в апреле 2014 года вышел журнал, посвященный

125-летию А. Гитлера [В Казахстане вышел журнал, посвященный 125-летию Адольфа Гитлера, 2022].

Комплекс неполноценности соответствующим образом повлиял на восприятие своего прошлого в обеих странах. Оставим в стороне псевдоисториков, которые «расплодились» в большом количестве в период независимости на Украине. Согласно их «изысканиям», украинцы самый древний народ Европы. Шумеры вышли из Украины. Ковчег Ноя остановился на Украине возле Киева. Христос, Будда, Колумб и многие другие деятели мировой истории были по происхождению украинцами [Радзиевский, 2016: 141—142]. Излюбленным этногенетическим мифом украинского национализма является представление о происхождении украинцев от носителей трипольской культуры [Кореняко, 2000: 44]. Доминирует автохтонная модель, утверждающая, что предки современных украинцев жили на территории современной Украины с незапамятных времен вплоть до палеолита [Шнирельман, 2000: 23]. Кстати, ряд подобного рода «историков» являются кандидатами и докторами наук. Однако и представители академических научных учреждений далеко не ушли в этом плане. По их мнению, современные украинцы являются потомками склавинов и антов [Баран В., Баран Я., 2005: 146], не говоря уже о среднеднепровских племенах Древней Руси. Тем самым подчеркивается, что украинцы, в отличие от россиян, являются истинными славянами [Резников, 1996: 130]. Московиты — этнос финского происхождения с добавлением тюркской крови [Білінский, 2016: 8]. В отличие от Киева и Чернигова, в X веке в Новгороде, Владимире, Рязани жили варварские племена [Солдатенко, Сиволоб, 1994: 18].

Украинский народ уже со времен Киевской Руси принадлежал к европейской семье народов [Гринів, 1997: 427]. Оказывается, экономика Древней Руси была вариантом германского способа производства [Залізник, 1997: 135]. Карл Маркс был бы просто в «восторге» от подобного рода «открытия».

В Казахстане и других центрально-азиатских государствах поиск национальной идентичности принял форму этнической мифологизации, а по существу — фальсификации истории на уровне властных и академических структур. Предпринимаются попытки сделать свою историю максимально древней, застолбить свою автохтонность в Центральной Азии. Основные потуги докторов наук и академиков направлены на то, чтобы доказать, что обитавшие здесь во второй половине I тыс. до н. э. иранские племена саков были тюркоязычными [Аскарлов, 1997: 98]. В Алма-Ате даже воздвигли 30-метровую стелу, которую венчает сакский воин. Некоторые новоявленные «ученые» пошли еще дальше, утверждая, что тюрки жили в Средней Азии еще до индоевропейского завоевания [Камолиддин, 2005: 53—54]. Всех «переплюнул» О. Сулейменов, согласно которому тюрки предшествовали шумерам и повлияли на их культуру и язык [Сулейменов, 2002].

Для казахов, туркмен, узбеков присвоение арийского прошлого означает, прежде всего, утверждение своего статуса как «коренного народа». Кроме того, «арийское» родство отводит тюркским народам почетное место в древней истории и уравнивает их с европейцами, помогая освободиться от комплекса неполноценности [Шнирельман, 2015: 226].

Самое удивительное, что можно найти параллели между Украиной и Казахстаном даже в религиозной сфере. В архаический период все, что было связано с мифом и его персонажами, не требовало никаких доказательств. Все

носило естественный характер. Человек и миф (мифологическое сознание) представляли собой органическое единство. Нечто похожее мы имеем в украинской греко-католической церкви, которая в сознании жителей Западной Украины имеет, по существу, мифологическую основу. То есть здесь все, что касается религии, воспринимается как некий абсолюте. Ни о каком атеизме не может быть и речи. Внутренний религиозный менталитет кардинально отличается как от православной, так и католической церковей [Кондорский, 2020: 203].

Нечто похожее мы имеем в исламе. Если в христианской религии просматривается доминирование Веры, то в исламе Аллах предстает в качестве некоего абсолюта, имеющего явные параллели в мифологическом сознании. Несмотря на то что мусульманская религия считается более монотеистической, это касается только формы. Если взять содержание, то здесь связь с предшествующим язычеством гораздо прочнее. Еще в конце XIX — начале XX века в Аравии ислам уживался с культом святых и даже идолопоклонством. Специалисты отмечают, что ислам плохо приживался среди бедуинов [Васильев, 1999: 76—77]. И это речь идет о стране, где государственной религией является ваххабизм — самое ортодоксальное течение мусульманской религии.

Мы считаем, что именно это несоответствие между формой и содержанием в условиях резкой активизации этнического (традиционного) сознания и является основным психологическим источником радикального ислама на Ближнем Востоке. В Западной Украине языческая основа этнического сознания в 1943 году привела к геноциду местных поляков во время Волынской резни, отличившейся практикой умерщвления людей самыми садистскими способами [Кондорский, 2020: 205].

В Центральной Азии у титульных этносов за последние 200 лет сохранился своеобразный народный ислам, часто мистических суфийских толков, как направление бытовых, обрядовых, поведенческих предпочтений с традиционными языческими и шаманскими обычаями, анимистическими верованиями [Гадло, 1998]. Народный ислам является синтезом автохтонных культов и мусульманской догматики [Литвинов, 2018: 56]. Казахи всю историю жили по древним тюркским законам [Кусаинов, 1996].

В Семиречье имела место своя «волынская резня» в 1916 году, которая сопровождалась массовыми убийствами местного русского населения киргизами и казахами. Так как мужское население в основном было мобилизовано, безнаказанно убивали и насиловали женщин и детей способами, которые относятся к инфернальной сфере [Ганин, 2016]. Кстати, если бы в Алма-Ате во время январских событий мятеж вовремя не был бы подавлен, начались бы погромы русского населения.

Таким образом, вышесказанное подтверждает тезис, что сравнительный метод позволяет глубже понять и осмыслить наблюдаемые социально-политические процессы, привести их в определенную историко-временную систему. На это указывает крайне низкий уровень феодальной революции, что и определило сходство архетипа (а не формы) исторического развития и современной ситуации в обоих регионах. Специфика исторического процесса оказывает более чем значительное влияние на социально-политическую современность [Кондорский, 2019с; Кондорский, 2021]. Кстати, автором было показано, что для того чтобы понять глубинную суть проекта «Экономический пояс

Шелкового пути», нужно углубиться в историю Китая на две с половиной тысячи лет [Кондорский, 2019а].

Библиографический список / References

- Агаев Г. Ш. Прошлое, настоящее и будущее клановых сообществ в Казахстане // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 126—128.
- (Agaev G. Sh. Past, present and future of clan communities in Kazakhstan, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "History and political sciences"*, 2012, no. 5, pp. 126—128. — In Russ.)
- Агаев Г. Ш. Структурные особенности клановых сообществ в Казахстане // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 4. С. 1—4.
- (Agaev G. Sh. Structural features of clan communities in Kazakhstan, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "History and political sciences"*, 2013, no. 4, pp. 1—4. — In Russ.)
- Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3 (9). С. 131—146.
- (Amrekulov N. Zhuzy in the socio-political life of Kazakhstan, *Central Asia and the Caucasus*, 2000, no. 3 (9), pp. 131—146. — In Russ.)
- Аскарлов А. История Узбекистана. Ташкент: Узбекистон 1997. 210 с.
- (Askarov A. *History of Uzbekistan*, Tashkent, 1997, 210 p. — In Russ.)
- Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии социальной антропологии. 1999. № 1. С. 45—56.
- (Achkasov V. A. Ethnic identity in situations of public choice, *Journal of Sociology of Social Anthropology*, 1999, no. 1, pp. 45—56. — In Russ.)
- Баран В., Баран Я. Историчні витоки українського народу. Київ: Генеза, 2005. 206 с.
- (Baran V., Baran J. *Historical origins of the Ukrainian people*, Kyiv, 2005. 206 p. — In Ukr.)
- Білінський В. Москва ординська (XII—XVI ст.). Историчне дослідження. Київ: А-БА-БА-ГА-ЛІА-МА-ГА, 2016. 656 с.
- (Bilinsky V. *Moscow Horde (XII—XVI centuries). Historical research*, Kyiv, 2016, 656 p. — In Ukr.)
- Борисова Е. Роль неформальных институтов в Управлении Казахстана // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 28—47.
- (Borisova E. The role of informal institutions in the management of Kazakhstan, *Bulletin of Eurasia*, 2002, no. 1 (16), pp. 28—47. — In Russ.)
- Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.). М.: Классика плюс, 1999. 672 с.
- (Vasiliev A. M. *History of Saudi Arabia (1745 — end of the 20th century)*, Moscow, 1999, 672 p. — In Russ.)
- Васютин А. Лики власти // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 56—71.
- (Vasyutin A. Faces of power, in *The Mongolian Empire and the nomadic world*, Ulan-Ude, 2005, vol. 2, pp. 56—71. — In Russ.)

- В Казахстане вышел журнал, посвященный 125-летию Адольфа Гитлера // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/1792652.html> (дата обращения: 30.01.2022).
- Гадло А. В. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: Традиционная культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 92 с.
(Gadlo A. V. *Ethnography of the peoples of Central Asia and Transcaucasia: Traditional culture*, St. Petersburg, 1998. 92 p. — In Russ.)
- Ганин А. Восстание в Туркестане в 1916 году: уроки и последствия // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/07/05/rodina-vosstanie-v-turkestane.html> (дата обращения: 12.02.2022).
- Гринів О. Україна і Росія: партнерство и протистояння. Львів: ІН НАНУ, 1997. 384 с.
(Griniv O. *Ukraine and Russia: partnership and opposition*, Lviv, 1997, 384 p. — In Ukr.)
- Даренский В. Ю. Причина феномена массового национализма на современной Украине // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 39—52.
(Darensky V. Yu. *The Cause of the Phenomenon of Mass Nationalism in Modern Ukraine*, Svobodnaya Mysl, 2016, no. 5, pp. 39—52. — In Russ.)
- Двинский К. Конец елбасыстану. Россия бьется за Казахстан с глобалистами // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/konec-elbasystanu-rossija-bjotsja-za-kazahstan-s-globalistami_474315 (дата обращения: 25. 01. 2022).
- Двинский К. Токаев на перепутье: кем стать, Януковичем или Лукашенко? // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/tokaev-na-perepute-kem-stat-janukovichem-ili-lukashenko_473660 (дата обращения: 25. 02. 2022).
- Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995. С. 294—318.
(Dvornichenko A. Yu. *On the problem of East Slavic politogenesis, in Early forms of political organization: from primitiveness to statehood*, Moscow, 1995, pp. 294—318. — In Russ.)
- Долженков О. Тіньовий аспект політичного процесу в Україні // Людина і політика. 2000. № 2. С. 2—6.
(Dolzhenkov O. *Shadow aspect of the political process in Ukraine*, *Man and politics*, 2000, no. 2, pp. 2—6. — In Ukr.)
- Залізник Л. Л. Від склавинів до української нації. Київ: Фотовідеосервіс, 1997. 256 с.
(Zalizniak L. L. *From sklaviniv to the Ukrainian nation*, Kyiv, 1997, 256 p. — In Ukr.)
- Залізник Л. Л. Україна в колі світових цивілізацій. Київ: Знання України, 2006. 96 с.
(Zalizniak L. L. *Ukraine in the circle of world civilizations*, Kyiv, 2006, 96 p. — In Ukr.)
- Калакура Я. С., Рафальский О. О., Юрий М. Ф. Ментальный выбор украинской цивилизации. Київ: Генеза, 2017. 560 с.
(Kalakura J. S., Rafalsky O. O., Yuri M. F. *Mental choice of Ukrainian civilization*, Kyiv, 2017, 560 p. — In Ukr.)
- Камоліддин Ш. О понятии этногенеза в «Этническом атласе Узбекистана» // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 52—56.
(Kamoliddin Sh. *On the concept of ethnogenesis in the "Ethnic Atlas of Uzbekistan"*, *Ethnographic Review*, 2005, no. 1, pp. 52—56. — In Russ.)

- Капелюшний В. П. Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917—1921 рр.). Київ: Орлан, 2003. 608 с.
- (Kapelushnyy V. P. *Gained and lost independence: a historiographical sketch of Ukrainian statehood in the era of national liberation struggles (1917—1921)*, Kyiv, 2003, 608 p. — In Ukr.)
- Карсаков И. Б., Чеботарев А. Е. Политическая трансформация республики Казахстан в контексте смены управленческой элиты. Алматы: Центр «Альтернатива», 2009. 126 с.
- (Karsakov I.B., Chebotarev A.E. *Political transformation of the Republic of Kazakhstan in the context of a change in the management elite*, Almaty, 2009, 126 p. — In Russ.)
- Касатонов В. Иностраный капитал в Казахстане. Присутствие России более чем скромно // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/01/12/inostrannyj-kapital-v-kazahstane-55302.html> (дата обращения: 25.01.2022)
- Кондорский Б. М. «Революции» после революций («цветные революции» с позиций теории революционного периода) // История и современность. 2018. № 4. С. 88—107.
- (Kondorsky B. M. "Revolutions" after revolutions ("color revolutions" from the standpoint of the theory of the revolutionary period), *History and Modernity*, 2018, no. 4, pp. 88—107. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2019а. № 2. С. 21—28.
- (Kondorsky B. M. Historical-economic and political-ideological background of the Chinese project "Economic Belt of the Silk Road", *Problems of the Far East*, 2019a, no. 2, pp. 21—28. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019б. № 3. С. 112—131.
- (Kondorsky B. M. Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet states, *History and Modernity*, 2019b, no. 3, pp. 112—131. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Роль этнического (традиционного) фактора в формировании общественно-правового сознания в государствах Центральной Азии // Евразия: государство и право. 2019с. № 12. С. 61—80.
- (Kondorsky B. M. The role of the ethnic (traditional) factor in the formation of social and legal consciousness in the states of Central Asia, *Eurasia: state and law*, 2019c, no. 12, pp. 61—80. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Исторические предпосылки формирования идеологии ОУН-УПА // II Мировая война: историографические традиции и новые подходы изучения: материалы IV Международной научной конференции (к 75-летию Победы). Новороссийск, 18—19 декабря 2020 года. Пенза: Изд-во ПГУ, 2020а. С. 199—208.
- (Kondorsky B. M. Historical prerequisites for the formation of the ideology of the OUN-UPA, in *World War II: historiographic traditions and new approaches to study*, Penza, 2020a, pp. 199—208. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Революционная концепция процесса исторического развития // Глобальные проблемы и будущее человечества: материалы VI Международного научного конгресса «Глобалистика-2020». М.: МГУ ФГП, 2020б. С. 566—571.

(Kondorsky B. M. The revolutionary concept of the process of historical development, in *Global problems and the future of mankind*, Moscow, 2020b, pp. 566—571. — In Russ.)

Кондорский Б. М. К вопросу об истории государственности Украины // История и современность. 2021. № 1. С. 54—81.

(Kondorsky B. M. On the issue of the history of the statehood of Ukraine, *History and Modernity*, 2021, no. 1, pp. 54—81. — In Russ.)

Кореньяко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000. С. 34—52.

(Korenyako V. Ethno-nationalism, quasi-historiography and academic science, in *Reality of ethnic myths*, Moscow, 2000, pp. 34—52. — In Russ.)

Космачев М. В. Украина: радикальное решение. Вопросы построения нации-государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 1. С. 39—49.

(Kosmachev M. V. Ukraine: a radical solution. Issues of building a nation-state, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 2015, no. 1, pp. 39—49. — In Russ.)

Кусаинов Ш. Государство казахов: Адат и Шариат // Казахстанская правда. 1996. 30 октября.

(Kusainov Sh. State of the Kazakhs: Adat and Sharia, *Kazakhstanskaya Pravda*, 1996, October 30. — In Russ.)

Литвинов В. П. «Народный ислам» как синтез язычества и мусульманской религии в Туркестане: паломнический аспект // Исламоведение. 2018. № 1. С. 54—64.

(Litvinov V. P. "Folk Islam" as a synthesis of paganism and the Muslim religion in Turkestan: a pilgrimage aspect, *Islam Studies*, 2018, no. 1, pp. 54—64. — In Russ.)

Малинкович В. О. О причинах «оранжевой революции» в Украине // Померанчева революція. Версії, хроніка, документи. Київ: Оптима, 2005. С. 19—51.

(Malinkovich V. O. On the causes of the orange revolution in Ukraine, in *Pomerancheva revolution. Versions, chronicle, documents*, Kiev, 2005, pp. 19—51. — In Russ.)

Масанов Н. Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 46—61.

(Masanov N. E. Kazakh political and intellectual elite: clan affiliation and intra-ethnic rivalry, *Bulletin of Eurasia*, 1996, no. 1 (2), pp. 46—61. — In Russ.)

Мацієвський Ю. «Помаранчева революція» крізь призму міждисциплінарних досліджень // Політичний менеджмент. 2005. № 6. С. 7—22.

(Matsievsky Yu. "Orange Revolution" through the prism of interdisciplinary research, *Political Management*, 2005, № 6, pp. 7—22. — In Ukr.)

Маціевский Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004—2010 гг. // Полис. 2010. № 5. С. 17—37.

(Matsievsky Yu. Change, transit or cycle: dynamics of the political regime in Ukraine in 2004—2010, *Polis*, 2010, no. 5, pp. 17—37. — In Russ.)

Оловинцов А. Статус Руси в XIII—XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние? М.: Алгоритм, 2018. 432 с.

(Olovintsov A. Status of Russia in the XIII—XVI centuries. Turks or Mongols? Yoke or confrontation? Moscow, 2018, 432 p. — In Russ.)

- Панов В. Почему полыхнуло в Казахстане. Страна несколько дней находилась на грани госпереворота / Столетие. URL: http://www.stoletie.ru/tekusciy_moment/pochemu_polyhnulo_v_kazahstane_864.htm (дата обращения: 22.01.2022).
- Примаков отказался работать с новым министром информации Казахстана. URL: <https://news.mail.ru/politics/49568743/&frommail=1> (дата обращения: 18.01.2022).
- Прохватилов В. Дело языковых патрулей в Казахстане развивается // Фонд стратегической культуры. URL: <https://fondsk.ru/news/2021/10/24/delo-jazykovyi-patrulej-v-kazahstane-razvivaetsja-54748.html> (дата обращения: 22.01.2022).
- Радзиевский В. А. Новые украинские мифы. История и восточнославянское единство // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 11, ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 570—575.
- (Radzievsky V. A. New Ukrainian myths. History and East Slavic unity, in *Russia: tendencies and prospects of development*, 2016, iss. 11, vol. 1, pp. 570—575. — In Russ.)
- Реєнт О. П. Україна в імперську добу (XIX — початок XX століття). Київ: Арії, 2016. 320 с.
- (Regent O. P. *Ukraine in the imperial era (XIX — early XX century)*, Kyiv, 2016, 320 p. — In Ukr.)
- Резников К. Украинцы и русские: идеология и противостояние // Москва. 1996. № 4. С. 128—154.
- (Reznikov K. Ukrainians and Russians: ideology and confrontation, *Moscow*, 1996, no. 4, pp. 128—154. — In Russ.)
- Рябчук М. Ю. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націотворення. Київ: Критика, 2000. 303 с.
- (Ryabchuk M. Yu. *From Little Russia to Ukraine: Paradoxes of Late Nation-Building*, Kyiv, 2000, 303 p. — In Ukr.)
- Солдатенко В. Ф., Сиволоб Ю. В. Передумови і зародження української національної ідеї // Український історичний журнал. 1994. № 2-3. С. 14—28.
- (Soldatenko V. F., Sivolob Yu. V. Preconditions and origin of the Ukrainian national idea, *Ukrainian Historical Journal*, 1994, no. 2—3, pp. 14—28. — In Ukr.)
- Ставицкий А. В. «Конец истории» Украины: уже близко // Livejournal. URL: <https://skeptimist.livejournal.com/215927.html> (дата обращения 15.02.2022).
- Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменности. Алматы: Атамура, 2002. 318 с.
- (Suleimenov O. *Turks in prehistory. On the origin of the ancient Turkic languages and writing*, Almaty, 2002, 318 p. — In Russ.)
- Тайные пружины казахского протеста // Русская весна. URL: <https://resvesna.su/news/1641564461> (дата обращения: 22.01.2022).
- Толочко П. П. Украина: государство или страна? Київ: Довіра, 2008. 208 с.
- (Tolochko P. P. *Ukraine: state or country?* Kiev, 2008, 208 p. — In Russ.)
- Уваров А. Украинские пятна казахского мятежа // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/01/07/ukraiskie-pjatna-kazahskogo-mjadtezha-55272.html> (дата обращения: 25.01.2022).
- Фігурний Ю. С. Особливості і закономірності зародження, формування українського етносу від найдавніших часів до середини XIV ст. на теренах України. Київ: НДІУ, 2010. 158 с.

(Fihurny Yu. S. *Features and patterns of origin, formation of the Ukrainian ethnic group from ancient times to the middle of the XIV century on the territory of Ukraine*, Kyiv, 2010, 158 p. — In Ukr.)

Хайруллин М. Агата Кристи курит в стороне. Корни заговора в Казахстане тянутся к семье Назарбаева // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/agata-kristi-kurit-v-storone-korni-zagovora-v-kazahstane-tjanutsja-k-seme-nazarbaevyh_474431 (дата обращения: 24.01.2022).

Хайруллин М. Казахский Ходорковский, британские НКО и Новый шелковый путь: объясняем механику протестов // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/kazahskij-hodorkovskij-britanskie-nko-i-novyj-shjolkovyj-put-objasnjaem-mehaniku-protestov_473706 (дата обращения: 25.01.2022).

Черных Е. Защитить Оренбург от американцев: настоящий смысл операции миротворцев в Казахстане // Царьград. URL: https://samara.tsargrad.tv/articles/zashhitit-orenburg-ot-ameriincev-nastojashhij-smysl-operacii-mirotvorcev-v-kazahstane_473725 (дата обращения: 24. 01. 2022).

Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000. С. 12—33.

(Schnirelman V. The value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethnopolitics, in *Reality of ethnic myths*, Moscow, 2000, pp. 12—33. — In Russ.)

Шнирельман В. Арийский миф в современном мире. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 440 с.

(Shnirelman V. *Aryan myth in the modern world*, vol. 2. Moscow, 2015, 440 p. — In Russ.)

Eisenstadt S. N. *Traditional Patrimonialism and Comparative Perspectives*, London: Sage Publications, 1973, 95 p.

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Кондорский Борис Михайлович — кандидат биологических наук, независимый исследователь, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, bmkbbox@mail.ru

Kondorsky Boris Mikhailovich — Candidate of Sciences (Biology), independent researcher, Donetsk, Donetsk People's Republic, bmkbbox@mail.ru